

литературную форму».²⁹ То же говорит и Е. Е. Голубинский: «А в отношении к красноречию составляют его оригинальный измысл, которому не отваживался подражать никто из позднейших, три плача по святом Стефане, которыми он оканчивает житие, именно: плач пермских людей, плач церкви пермския, „егда овдове и плакася по епископе си (своем)“, и плач и похвала инока списателя».³⁰

Ни В. О. Ключевский, ни Е. Е. Голубинский не заметили сходства этой схемы трех плачей с рассматриваемым нами «Словом о житии» Дмитрия Донского, вероятно потому, что они изучали оба лишь «жития святых», а Дмитрий Донской канонизован не был. Впрочем, В. О. Ключевский вкратце касается и этого светского жития, справедливо говоря: «Этим цветом церковного похвального слова окрашивались не одни церковные явления: он сильно замечен уже в житии в князя Дмитрия Донского, написанном, по-видимому, вскоре после его смерти. Автор биографии — начитанный книжник, сколько можно судить по его цитатам и многоречивым рассуждениям, и писал ее для какого-нибудь духовного лица. Иногда у него заметно подражание житию Александра Невского; встречаем литературные черты, которые были не во вкусе агиобиографии: картину Донского побоища, плач княгини с причитаниями над умершим мужем. Но тем резче выделяются в биографии черты другого свойства: в характеристике князя допущены почти исключительно иноческие добродетели; несоразмерно длинное и до темноты витиеватое похвальное слово в конце жития рассматривает Донского героя только как святого, и, перебирая исторические имена, которыми можно было бы характеризовать князя, оно называет только праведников обоих заветов».³¹ Итак, В. О. Ключевский отметил «плач княгини с причитаниями» как особенность «Слова о житии», но от него ускользнуло сходство этого плача с плачем пермских людей по епископе Стефане.

Между тем схема одинакова в обоих «Словах о житии», и восходит она к древнерусской традиции, к летописям, очень часто отмечающим плач народа и его семьи (вдовы, сыновей) по умершем князе. Епифаний вдохновился летописями и жизнью и создал схему трех плачей, которая «нераздельно принадлежит одному» ему, по справедливому замечанию В. О. Ключевского. Летописи постоянно отмечают плач по князю, но делают это гораздо короче. Возьмем Ипатьевскую летопись, которая, по-видимому, была известна Епифанию Премудрому (Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871). Уже о смерти Олега в 912 г. сказано: «И плакашася по нем вси людие плачем великом, и несоша и, и погребоша и на горе». О смерти Ольги в 969 г. сказано несколько больше: «И плакася по ней сын ея и внуци ея, и людье вси плачем великим, и несъше погребоша ю на месте».

Это не был просто плач и вопль; нет, это были определенные причитания, имевшие давно установленный облик, но разнообразившиеся в зависимости от данного лица. Так, о кончине Владимира Великого сказано: «Се же увидевше людье и снидошася бе щисла и плакашася по немь бояре акы заступника земли и х убозии акы заступника и кормителя». О смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. сказано кратко, что пла-

²⁹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 94.

³⁰ Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, 2-я половина. М., 1910, стр. 175—176.

³¹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых... стр. 169—170.